

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

МЕСТО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. Иншаков,

*д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки
РФ, ректор Волгоградского государственного
университета*

Д. Фролов,

канд. экон. наук, доцент

Второй год на страницах журнала "Экономист" ведется обсуждение, посвященное критическому переосмыслению состояния и теоретико-методологической базы институционального направления в современной экономической науке. Осуществленный в публикации 2004 г. критический анализ основ институционализма¹ логично дополнился в 2005 г. исследованием его пределов², что позволило представить довольно широкий спектр проблем этого научного течения, пока что оставив "за бортом" механизм их преодоления.

Поэтому, присоединяясь к завязавшейся дискуссии, попытаемся придать ей новый импульс, раскрыв наиболее значимые противоречия институционализма на современном этапе и обосновав пути их разрешения.

Вульгаризация институционализма и его дискредитация. В нашей экономической науке продолжается и усиливается бум институциональных исследований, начавшийся во второй половине 1990-х гг. Однако развитие отечественного институционализма остается по большей части экстенсивным, основывающимся на активном восприятии накопленных результатов зарубежных исследований, их эксплуатации, пропаганде и популяризации. При всей полезности вовлечения в круг идей этого относительно нового у нас научного направления посвященные этому работы не обладают достаточным эвристическим потенциалом.

В начале XXI в. институционализм предстает все еще как *upstream* (восходящее течение) экономической мысли, активно осуществляя дифференциацию направлений исследований и их междисциплинарную интеграцию, рефлексивно отражаясь в практике экономических преобразований. Это восхождение стимулирует многих ученых спешно "перековываться" в институционалисты. При этом, как справедливо подмечено, "слово "институт" становится... просто пропуском к публикации в качестве обозначения "современного взгляда" на экономическую реальность"³. Мощный и мутный поток якобы "институциональных исследований" заполнил отечественное информационное пространство. Расширяется множество диссертаций по институциональной тематике, где многие ключевые проблемы не получают должного осмысления, а принимаются как данность, причем выдвигаемые в ранге научной новизны идеи зачастую граничат с вульгарностью. Объективен вывод А. Московского: "Определенность теоретических суждений обратно пропорциональна их массе"⁴.

В отечественном институционализме имеет место своего рода "первичный бульон" поверхностных мнений и фрагментарных суждений. Масштабная эмиссия идей, касающихся различных аспектов институциональной теории и практики, но имеющих слабую теоретическую основу, ведет к раскручиванию инфляции продуктов познания и девальвации статуса данного направления.

Категория общественного института стала широко употребляться в быту, где приобретает любые значения и изменяется до неузнаваемости. Так, чиновники, депутаты и ряд журналистов наперебой оперируют понятиями институтов президентской власти и гражданского общества, парламента и ежегодного послания Президента РФ Федеральному собранию, криминальной "крыши" и всенародных праздников. Недостаточная четкость понимания институциональной терминологии приводит к тому, что, например, в ходе дискуссии по поводу создания Общественной палаты ее называют и особым органом, и независимым институтом, искажая тем самым функциональную роль данной структуры.

Сложившаяся к настоящему времени нечеткость понятийной системы институционализма, упрощение или, напротив, чрезмерное расширение определений его основных категорий порождают искаженное отражение и торможение процессов практической модернизации хозяйственной действительности. Это в значительной степени дискредитирует институциональную теорию, которая нередко рассматривается как некая скоропреходящая научная мода или даже "интеллектуальная болезнь"⁵.

С другой стороны, приводится аргументация, на основе которой институционализму подчас даже отказывают в экономическом содержании⁶; высказано также мнение, что "экономика в собственном смысле не является его предметом"¹.

И, надо сказать, определенные основания для таких выводов существуют. Концентрированным выражением категориальной аморфности современного институционализма является широко известная "игровая" теория институтов (Д. Норт), где экономические институты - это некие "правила игры", а организации - "игроки". Такое понимание институтов "начисто лишено содержательной экономической и институциональной специфики", а с его помощью "ничего нельзя понять в экономике"⁸.

Основное назначение и смысл экономических институтов не в том, чтобы быть просто "правилами игры", а в общественных формах организации функциональных отношений во взаимодействиях людей, их групп и сообществ. Институты не сводятся к нормам и правилам, они их создают, определяя одновременно возможности и ограничения, права и обязанности, роли и статусы. Изменение функциональных форм связей и отношений невозможно без соответствующих структурных изменений, что во взаимодействии создает механизм эволюции хозяйства. *В основе институтов лежит общественное разделение труда, социальные формы закрепления функций за их субъектами.*

Для многих исследователей "камнем преткновения" при понимании системности институциональной теории является отождествление института и "нормы поведения", которая понимается как его базовый компонент⁹ и основной элемент институциональной среды¹⁰, а не ее проявление. Вряд ли "в таком понимании нет ни намек на объективную природу институтов" поскольку нормы не сводятся к субъективным волевым отношениям - нормы возникают объективно из массовой реализации сущности в многообразии действительных форм.

Норма появляется при сравнении сложных социальных объектов как наиболее массовое или среднее их проявление. Поэтому нормы времени, выработки, рентабельности, прибыли, накопления, потребления и другие отклоняются от их простых и сложных понятий и явлений. Нормальное лишь отчасти просто, так же как и отчасти сложно. Оно - посередине, между простотой и сложностью, выражая их меру и существуя в определенных границах.

Правовые нормы устанавливают пределы различных общественных отношений, действий в определенных статусах. Они возникают или вводятся как эмпирические выявленные средние значения, выход за границы которых карается санкциями. Но до того, как норма будет определена, должно быть многократно совершено и типизировано обобщаемое и регламентируемое ею действие, должны возникнуть и стать типичными в данном обществе соответствующие отношения, чтобы выявить среднее и его границы. Следовательно, институты возникают раньше норм.

Если же, доказывая от противного, принять, что институты - это и есть нормы, то определять индивида как агента института следует из его соответствия нормам данного института. Однако в реальности сначала определяется его функция и статус, а лишь затем соответствие норме. Признать А.Г. Стаханова ударником можно было лишь после того, как он в статусе шахтера вошел в забой, нарубил уголь и перевыполнил норму. Только после выступления спортсмена в состязании, т. е. после выполнения им своей функции, можно понять, насколько он соответствует норме для своей институции, т. е. середняк ли он, лидер или аутсайдер в своем институте. И совсем уж гротескный вид принимает отождествление институтов с нормами при перечислении последних: получается, что нормы времени, выработки, посева семян, накопления, осушения, прибыли, рентабельности следует считать институтами...

Как видим, возобладавший конвенциональный характер определений ключевых категорий современного институционализма генерирует большинство связанных с ним противоречий. Их преодоление невозможно без глубокого осмысления институтов в русле системного подхода.

Усиление системности институционального анализа. Системный анализ институциональных отношений и процессов "чрезвычайно актуален, поскольку... есть очевидная тенденция дробления, фрагментирования представления об институтах, которое сопровождается утратой целостной картины общества и снижением определенности самого понятия института"¹².

Базовые основания системного анализа - функция и структура - предстают в обществе соответственно в виде институции и организации акторов (хозяйствующих индивидов). Институция в качестве базовой категории институционализма должна быть понята как социальная форма закрепления за субъектами общественно необходимых функций в рамках общественного разделения труда. Для понимания этого необходимо новое прочтение классических работ в области экономики, в первую очередь К. Маркса (особенно гл. 12 кн. I "Капитала") и Т. Веблена.

Проявлением неоправданной редукции категориального аппарата институционализма можно считать издание в СССР фундаментального труда Т. Веблена "Теория праздного класса" (1984 г.), в ходе перевода которого был полностью опущен авторский подзаголовок, в котором указывалось именно понятие институции - An Economic Study of Institution. Такой подход стал традицией и воплотился в переводе трудов Д. Норта, Т. Эгертссона, Дж. Ходжсона и других³, в то время как в оригинале их труды посвящены прежде всего экономическим институциям¹⁴. Это закрепило применение термина "институт" и способствовало отказу от категории "институция" при описании феноменов соответствующего характера. Кстати, свободные от инерционно закрепившихся в экономической науке клише представители смежных областей знания верно транслируют данный термин: примером может служить перевод статьи С. Нила, увидевшей в свет в 2002 г. под названием "Арт-синема как институция"¹⁵.

Институции, используя термин К. Маркса, выступают "производительными функциями" людей (не путать с производственными!). Важно логически развить понимание институции Т. Вебленом как "распространенного образа мыслей"¹⁶ и понять ее как способ коллективного действия (Дж. Коммонс), способ жизнедеятельности, присущий определенному сообществу людей и даже целому народу (У. Гамильтон), не сводимый к правилам, обычаям, нормам, законам и т. п. Поскольку каждый человек выполняет в обществе ряд определенных функций, он - агент многих институций и, следовательно, институтов, в которых закрепленные за человеком обособленные производительные функции структурируются и устойчиво воспроизводятся. Однотипные институции являются содержательной базой института.

Институт видится типовой организационной формой комплекса однородных институций, обеспечивающей их воспроизводство и гомеостазис как целостной системы социально признанной и необходимой деятельности. Соответ-

ственно институт выступает моделью конкретных организаций (учреждений), задавая структурно-функциональные рамки формирования устойчивых связей и отношений между их агентами и клиентами. С позиций системного подхода институты - функциональные структуры; конкретные организации - структуры функционирующие, а их органы - структурированные функции¹⁷.

Обеспечивая устойчивое воспроизводство разделения труда в обществе, институты выступают особой производительной силой, или, в современной интерпретации, трансакционным фактором производства. Необходимо говорить о системном характере фактора институты в обеспечении как оптимального функционирования хозяйственной системы, так и ее целенаправленной модификации, модернизации и трансформации. Но если институты - это простой фактор производства, то институт, организующий "производительные функции" в систему, является сложным фактором. Каждый институт выступает единой системой организации комплекса однородных институций, объединяя их в структурное целое, с высшими и низшими органами руководства, с дифференцированными статусами агентов, с подчинением меньшинства большинству. Системность институтов отражается и в его агентах, даже на наноуровне институциональной системы хозяйства¹⁸.

Институты должны быть поняты как производный от институции и организации сложный трансакционный фактор, без которого становится невозможным вовлечение и использование трансформационных факторов (людей, техники и технологий, природных ресурсов) в конкретной полезной форме на любой стадии исторического развития. Институциональные и, шире, социальные отношения формируют силовые поля интересов и влияния, которые притягивают и отталкивают людей. Они предстают как производительные силы, которые имеют социальный характер, формируя и закрепляя в обществе эффективную систему отношений разделения и кооперации деятельности¹⁹.

Перспективы отечественного институционализма. На разных этапах развития, в различных условиях разные факторы могут выходить на роль ведущих, временно становясь "локомотивами" хозяйственной системы, определяя кажущуюся необъяснимость причин смены стратегического курса. Так, выдвинутый ЦК ВКП(б) в 1930-х гг. лозунг "Техника решает все!" сменился в 1935 г. на "Кадры решают все!", а для рыночной трансформации экономики современной России этот лозунг можно со всем основанием перефразировать в "Институты решают все!". Именно сейчас актуальными стали утверждения о том, что "каков бы ни был фактор, оказывающий воздействие на процесс совместной деятельности людей и его результаты, он действует через институты и благодаря институтам"²⁰.

Но действительно ли институты "решают все"? Насколько искусственная и экономически не всегда обоснованная институциональная гипертрофия (хотя сейчас такая перспектива может быть интерпретирована как необоснованное фантазерство) соответствует стратегическим задачам экономического реформирования? Рационально ли закладывать в государственные программы и стратегии такой курс? Ведь подобные "перегибы" могут оказаться непосильными для ослабленных инвестиционных возможностей российской экономики, даже при сохранении в среднесрочном периоде позитивных тенденций конъюнктуры на мировых рынках. Становится реально необходимым баланс количества и качества экономических институтов, достигаемый на основе сравнения издержек их внутренней "селекции" ("инкубации") или "трансплантации" из альтернативных хозяйственных систем²¹. От экономической науки требуется разработка системы критериев и показателей эффективности таких процессов, а в дальнейшем - системы индикаторов институциональных, организационных, информационных и в целом трансакционных измерений хозяйственной системы.

Будущее экономической науки - за эволюционным (экогенетическим) подходом²². Поэтому, несмотря на научную моду, *один лишь институционализм никоим образом не может стать методологической панацеей для России да и любой другой страны.* Он должен органично "влияться" в состав эволюционной тео-

рии наряду с другими подходами, системно описывающими трансформационные и транзакционные факторы.

Подчеркнем: институционализм - внутренне неоднородное течение общественно-экономической мысли. Далеко не все его представители разделяют общие взгляды на экономическую политику. Но это никоим образом не отменяет познавательного потенциала институционального подхода, поскольку непреходящими являются изучаемые им механизмы и формы разделения и кооперации труда в обществе на основе широкого спектра специальных инструментов - норм, контрактов, правил, прав, регламентов, законов, обычаев, запретов и т. д.

Уникальность состояния институциональной теории в современной России определяется тем, что ее отдельные течения не развивались эволюционно в процессе гносеологической (идейной) конкуренции, а были имплантированы фактически в готовом виде в связи с открытием границ отечественного информационного пространства в начале 1990-х гг. Поэтому в нашей стране сейчас образовался не конгломерат институциональных течений (традиционного, нео- и неo-институционализма), как на Западе, а скорее их достаточно органичный синтез. При этом традиционный подход ("старый институционализм") используется в социологии и экономической истории, причем в последнем случае он активно сочетается с методами "клиометрии" (Р.М. Нуре-ев, Ю.В. Латов). Неинституциональная направленность характерна для исследований, связанных с исчислением институтов (В.Л. Макаров), моделированием транзакционных издержек различных сфер и видов деятельности (С. Малахов, В.В. Радаев и др.) и монетарного диапазона социальных институтов (О.С. Сухарев), обоснованием контрактной природы институтов (В.Л. Тамбовцев и др.) и т. д. Новый институционализм в основном связан с применением и адаптацией к российской проблематике подходов О. Уильямсона и Д. Норта, попытками более системной интерпретации их категориального аппарата (В.Г. Гребенников), изучением процессов копирования эталонных институтов (В.М. Полтерович), их генезиса в отечественном экономическом пространстве (Г.Б. Клейнер) и механизме регулирования (Д.С. Львов), во взаимодействии агентов хозяйства (Б.А. Ернзкян) и реализации ими системных функций (В.В. Зотов) на глобальных институциональных аренах²³. Поэтому очень сложно идентифицировать современных российских институционалистов как представителей того или иного течения этого направления общественно-экономической мысли. И трудно определить общие для отечественных институционалистов принципы экономической политики на разных уровнях власти: среди них достаточно мирно сосуществуют либералы и убежденные государственники, социалисты и центристы и т. д. Поэтому переносить критику отдельной части институционалистов на все научное направление, как это делает, в частности, Л. Кусургашева, вряд ли целесообразно.

В действительности такое "нерасчлененное тождество" российского институционализма - не столько проблема, сколько его конкурентное преимущество, так как для последователей данного научного направления уровень транзакционных издержек согласования единой категориальной и методологической базы перспективных исследований относительно ниже, чем для зарубежных коллег. Становится очевидной настоятельная необходимость междисциплинарной интеграции в рамках гуманитарных наук с включением институциональной теории, продуктивная реализация которого должна стать вектором эволюции отечественного институционализма в среднесрочной перспективе²⁴.

¹ См.: Кусургашева Л. Критический анализ основ неoinституционализма // Экономист. 2004. № 6.

² См.: Московский А. Пределы институционализма // Экономист. 2005. № 6.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же.

⁶ См., например: Мамедов О.Ю. Институционализм - приоритет вторичности? // Экономический вестник Ростовск. гос. университета. Т. 1. 2003. № 1.

⁷ Московский А. Указ. соч. С. 77.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 17,19.

¹⁰ Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 43.

¹¹ Московский А. Указ. соч. С. 77.

¹² Там же.

¹³ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997; Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

¹⁴ См.: North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Eggertsson T. *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Hodgson G.M. *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Polity Press, 1988.

¹⁵ См.: Neale S. Art Cinema as Institution // *Screen*. 1981. Vol. 22. № 1. Русский перевод см.: Нил С. Арт-кинематограф как институт // *Логос*. 2002. № 5-6.

¹⁶ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: прогресс, 1984. С. 201.

¹⁷ См.: Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // *Социс*. 2003. № 9; Иншаков О. Введение // Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. университета, 2002.

¹⁸ См.: Иншаков О.В., Фролов Д.П. (Гл. 8). Человек - институциональная система // *Homo institutiivus - Человек институциональный* / Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. университета, 2005.

¹⁹ См. подробнее: Иншаков О.В. "Ядро развития" в контексте новой теории факторов производства // *Экономическая наука современной России*. 2003. № 1; Иншаков О.В. Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // *Экономическая наука современной России*. 2004. № 4.

²⁰ Гребенников В.Г. Институционализм как методология экономической науки. // *Институциональная экономика: Учеб. пособие.* / Под рук. акад. Д.С. Львова. - М.: ИНФРА-М, 2001. - 318 с. - С. 39

²¹ См.: Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов. // *Экономическая наука современной России*. - 2001. - № 3; Клейнер Г.Б. Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России. / *Препринт # WP/2001/126*. - М.: ЦЭМИ РАН, 2001.

²² См.: Иншаков О.В. О необходимости развития эволюционного подхода в экономической науке современной России // *Вестник Южного научного центра. Пилотный выпуск*. 2004.

²³ См. подробнее: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. Т.2. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. университета, 2002.

²⁴ Первые шаги в этом направлении уже сделаны. См.: *Homo institutiivus - Человек институциональный* / Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. университета, 2005.